

Должно быть, каждый из минувших трехсот шестидесяти шести дней 1964 года был отмечен для нас каким-то памятным событием.

И, конечно, многим читателям нашего еженедельника интересно узнать, чем знаменательным был отмечен минувший год для их любимых актеров.

Разумеется опросить всех любимых актеров невозможно. Но некоторые из них рассказали нашему корреспонденту о самом запомнившемся дне года 1964-го. И естественно, мы услышали рассказы разные и о разном. Рассказы веселые и грустные. О себе и о своих встречах. О работе и новых замыслах. О далеких путешествиях и творческих победах.

Итак

Новогодние интервью Литературной России

Николай МОРДВИНОВ

Вы спрашиваете о самом для меня знаменательном дне в году. Интересный вопрос...

Сколько я ни пытаюсь, я не могу ограничить «знаменательное» одним днем. Незначительное или большое впечатление всегда окрашивается тем настроением, той или иной мерой общественного и личного отношения к предмету, взволновавшему человека, и мерой подготовки к «знаменательному» — предысторией. Но... привыкая ко всему, как бы ни был высок предмет восторга и гордости, свываясь даже с тем, что еще вчера для человека являлось чудом,

дольше всего он не может забыть то, к чему приобщился непосредственно.

В этом году я много летал. К самолету привык.

Но вот мы на большой высоте, на огромной машине, с тяжелейшим весом и со скоростью в 650 километров в час мчимся на восток, навстречу солнцу, сокращая ночь до одного часа, чтобы приземлиться на целине. Только представишь себе вес, скорость, силу, состояние — и поразишься человеческому гению, его пылкости, стройности воплощения замысла, и порадуешься тому, что его мощь направлена на счастье, на благо человека, на мир.

Душа поет!

А как бывает в жизни: смотришь — и не видишь, знаешь — и не знаешь... И в данном случае... Пролетая над нашей землей, я вдруг ощутил гигантский труд, вложенный нашим народом в край несметных богатств, в нашу, когда-то пустовавшую и забытую сироту-землю. Оценил и то, что край пробужден руками людей, отцами которых бывали такие, как Забродин из «Ленинградского проспекта» Штока, которого я сейчас играю...

Не хочется спать. Любуюсь лунницей вверху на черно-синем бескрайнем небе, облаками, медленно проплывающими в прозрачном воздухе, — такими голубыми, ласковыми, мягкими... Над облаками — минус 40, под облаками бушует половодье!

Фантастика!

И так же вдруг и с новой остротой я почувствовал другое, не похожее на первое... Я почувствовал неповторимую силу художественного домысла и темперамент лермонтовского воображения — весь поэтический и гражданский строй автора, к юбилею которого я готовился, с упоением играя Арбенина в спектакле «Маскарад» в новой вдохновенной редакции Ю. А. Завадского, перечитывая «Калашникова», «Мцыри», «Демона».

Я увидел и «хоры стройные светил», и «поля необозримые», и «волонистые

стада» облаков... Я физически ощутил бездну трагической безысходности, одиночества, страх перед бесконечной ночью и пространством и невообразимое отчаяние, вызванное нарой

*Жить для себя, скучать собой,
И этой вечною борьбой
Без торжества, без примиренья!*

Понял я и то, какое великое благо — держать связь с землей космонавту, уверенному в том, что он не один, а в общности со всем народом.

Я во всей полноте почувствовал и опустошенный мир мужественных героев любимого поэта, и наполненный до краев созидательной силой светлый и чистый, как лесной родник, мир рабочего «ленинской выправки» Забродина.

Столновение этих двух мировоззрений на высоте в 8 000 метров, в черном небе, дали такую вспышку, в свете которой мне по-новому стал ясен и омраченный душевный мир самого человеческого поэта, и сердечный мир открытого, от природы большого такта человека наших дней.

Обратно мы летели в конце первой маяского дня.

На сей раз не встречали солнце, а гнались за ним вослед, не давая ему закатиться, три часа удерживая его на одной высоте.

И опять под крылом — степи, леса, открытые карьеры, заводы, города, громадные поймы разлившихся рек и облака — теперь румяные — и вместо луны на темном безбрежном небе — солнце над горизонтом, задержанное дымкой.

Под крылом проплывает родная земля, возвеличенная делами рук своих детей, украшенная их свободным трудом, по которому извечно тоскует творческое сердце. И перед внутренним взором — лишенный этой радости труда, не увидевший славы своей Родины, ее верный сын и патриот великий Лермонтов.

